

Джамбеков Овхад Алихаджиевич

**ЖАНРОВЫЕ И ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЧЕЧЕНСКИХ ГЕРОИКО-ИСТОРИЧЕСКИХ
ПЕСЕН ИЛЛИ**

10.01.09 – Фольклористика

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Майкоп 2008

Диссертация выполнена на кафедре литературы и журналистики
Адыгейского государственного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук
Шаззо Шамсет Еристановна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Зухба Сергей Ладович;

кандидат филологических наук, доцент
Губанукаева Марха Мушалиевна

Ведущая организация: Чеченский институт гуманитарных
исследований АН ЧР

Защита состоится «5» июня 2008 года в 10 часов на
заседании диссертационного совета Д 212.001.02 в Адыгейском
государственном университете по адресу: 385000, г. Майкоп, ул.
Университетская, 208

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Адыгейского
государственного университета.

Автореферат разослан «5» июня

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор

Л.И. Дёмина

Героико-исторические песни илли в чеченском фольклоре занимают важное место. Жанр, претерпевая изменения, формировался на протяжении длительного времени, и на сегодняшний день представляет собой совершенно уникальное в художественном отношении явление, социально насыщенное, со сложным сюжетным развитием, своеобразной композицией, с яркими образами и богатым поэтическим языком. Основными жанрообразующими элементами илли наряду с социально-историческими условиями явились морально-этические нормы и принципы народных сказителей, а также идейно-эстетические каноны изображения героев, событий и описания природы.

Чеченские героико-исторические илли являются «поздним эпосом», то есть они созданы значительно позже нарт-орстхойских сказаний. Эпические мотивы песен илли позволяют считать, что нартский эпос оказал существенное влияние на их сюжетостроение и содержание. В ходе эволюции жанра менялись принципы изображения времени и героя, однако концептуальная направленность героико-исторических песен всегда сохранялась.

В большинстве своем героические песни илли имеют историческую мотивировку, отражают конкретные территориальные названия, примером служат героико-исторические песни «Илли об Сурхо Адиеве и князе Мусосте», «Илли о свержении черкесского князя Кагермана бяччой Балуг», «Илли об Ахмате Автуринском» и др.

Илли вдохновляли чеченцев на борьбу за независимость и свободу. Народ, создавая их, выражал в них свои стремления и надежды, в героях концентрировались лучшие качества. Человека, который полностью соответствовал нравственно-эстетическим представлениям о героизме, называли «кьонах-клант» (молодец). Это считалось наивысшей наградой, которую завоевывали честью и смелостью, тогда о таком герое слагали илли. Саадулла Батакаев, один из наибов имама Шамиля, свидетельствовал:

«Труднее всего быть «кьо́нахом», ещё труднее оставаться «кьо́нахом» всю жизнь»¹.

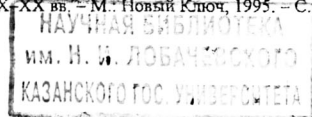
Следует отметить, что с течением времени смысловое значение «кьо́нах-кIанта» в героико-исторических песнях менялось, точнее говоря, менялись акценты, обусловленные временем и событиями. Например, в «Илли о сыне Жо́бра-бабы и вероломном Манце» вдовый сын отстаивает своё право на невесту и требует справедливого отношения к себе. Главные качества героя, особо ценимые в данном случае в «кьо́нах-кIанте», – стойкость в борьбе с несправедливостью, мужество, храбрость, реализация своих прав, верность слову и товарищам.

К образу «кьо́нах-кIанта» в «Илли о Шихмирзе, сыне Зайты», наряду с традиционными качествами воина (лучший конь, умение обращаться с оружием), добавляется умение проявлять воспитанность, завоёвывать любовь и преданность своих близких. В более поздних илли от героя требуется ещё больше выдержки и проявления мужества, например, Сурхо, сын Ады, вступает в борьбу против иноземного князя, причем он становится предводителем, чувствуя свою ответственность перед своим народом, только после настоятельной просьбы односельчан и пожелания матери.

Главные качества чеченских героико-исторических песен, которые всегда оставались без изменений, – духовно-нравственное содержание и героическая составляющая как основные смыслообразующие компоненты. В свою очередь, каждому произведению свойственна строгая сюжетная организация и своеобразная форма, они имеют определённый стихотворный размер – двухстопный или четырёхстопный дактиль, реже – трёхстопный, объём варьируется от 200 до 700 стихов. Рифма в чеченском стихе отсутствует, ритм строго соблюдается путем добавления на месте недостающей гласной частичек-слов «тов», «ва», «и».

Сбор и изучение чеченского фольклора, в том числе илли, систематизированно стало вестись во второй половине 20-х гг. прошлого

¹ Чеченская народная поэзия XIX–XX вв. – М.: Новый Слов, 1995. – С. 12

столетия. Фольклористы и писатели XIX–XX вв. (П. Услар, А. Генко, И. Цискаров, У. Лаудаев, Т. Эльдарханов, С. Бадиев, А. Нажаев, М. Сальмурзаев, С.-Б. Арсанов, Х. Ошаев и многие другие) стремились в письменной форме сохранить богатейший материал устного народного творчества.

После создания письменности в 1922 году были изданы несколько сборников фольклора, в том числе «Чеченские песни, сказания и пословицы» (1927), «Чечено-ингушский фольклор» (1940), включающие в себя героико-исторические песни илли. С начала 50-х и до конца 80-х годов прошлого века учеными Чечено-Ингушского научно-исследовательского института проводилась большая работа по изучению национального фольклора.

Имеющиеся на сегодняшний день труды чеченских ученых Я.З. Ахмадова, Я.С. Вагапова, В.Ю. Гиреева, Б.В. Корзуна, И.Б. Мунаева, Х.В. Туркаева, С.-М. А. Хасиева, Д.Ю. Чахкиева, М.Д. Чентиевой, Р.К. Ужаховой и других представляют собой теоретическую основу для изучения проблем национальной литературы и фольклора. Используя эти методологические ориентиры, необходимо систематизировать накопленный опыт в области исследования героико-исторических песен илли и развивать его с учетом современных научных тенденций. Чеченской литературоведческой науке сегодня необходимо возрождение и восстановление опыта и традиций. В этом видится актуальность данного научного исследования.

Научная новизна диссертации заключается в том, что наряду с жанровыми особенностями героико-исторических песен глубоко изучаются поэтические особенности впервые вводимого в научный оборот материала, собранного и записанного автором в ходе научных экспедиций.

Объектом анализа является концепция жанровой эволюции чеченских героико-исторических песен и вопросы поэтики.

Материалом исследования послужили героико-исторические песни илли, собранные и изданные автором диссертации в сборнике «Чеченский фольклор» в 1990 году, и неопубликованные записи илли из личного архива.

Цель исследования – выявление жанровой специфики и поэтических особенностей чеченских героико-исторических песен или в контексте северокавказского фольклора.

Поставленная цель определила следующие **задачи**:

- выявить особенности формирования и эволюции жанра чеченских героико-исторических песен или;
- определить типологические связи народной эпической поэзии в северокавказском фольклоре;
- в ходе проводимого анализа текстов чеченских героико-исторических песен выделить их поэтические особенности и специфику национальной художественности.

Решение поставленных задач предполагает исследование комплексной системы факторов, обусловивших специфику жанра и поэтику героико-исторических песен или, и обстоятельное изучение имеющихся на сегодняшний день научных работ, связанных с проблематикой данной диссертации.

Методологической и теоретической основой исследования послужили работы известных отечественных учёных М. Бахтина, В. Виноградова, В. Жирмунского, С. Жукаса, Е. Мелетинского, К. Чистова и северокавказских исследователей А. Алиевой, Я. Вагапова, А. Гадагатля, А. Гутова, У. Далгата, З. Джоуа, С. Зухбы, В. Корзуна, Х. Малкондуева, З. Мальсагова, И. Мунаева, Х. Ошаева, Н. Пюрвеевой, В. Тугова, Х.Туркаева, Р. Унароковой, Д. Чахкиева и др.

Методы исследования. В работе используются принципы исторического и сравнительно-типологического изучения фольклорных произведений, а также системный подход, позволяющий характеризовать жанровые и поэтические особенности чеченских героико-исторических песен или в контексте северокавказского фольклора.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Чеченские героико-исторические песни – один из древнейших жанров фольклора, претерпевший длительную эволюцию и сложившийся в идейно-художественную и духовно-эстетическую систему.
2. Героико-исторические песни илли имеют свою неповторимую поэтическую структуру, особенности рифмы и ритма, обусловленные национальным своеобразием и представлениями народного сказителя.
3. Прослеживаются типологические связи чеченских героико-исторических песен илли с абхазскими, адыгскими, карачаево-балкарскими, осетинскими, дагестанскими.

Практическая значимость диссертационной работы состоит в том, что полученные результаты исследования жанровых и поэтических особенностей чеченских героико-исторических песен могут быть использованы при дальнейшем изучении национального фольклора и при разработке курса лекционных, практических занятий, спецкурсов, спецсеминаров по изучению устного народного творчества народов Северного Кавказа.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на кафедре чеченской литературы и фольклора Чеченского государственного университета и на кафедре литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, отражены в 30 опубликованных докладах, статьях, тезисах.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка, включающего 187 источников научной литературы, и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, её научная новизна, определяются объект и предмет исследования, цель и задачи работы, характеризуется научное состояние изучаемых проблем.

излагается теоретическая и практическая значимость результатов работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Формирование и развитие жанров чеченского фольклора»** исследуются истоки и развитие жанра героико-исторических песен или в чеченском фольклоре в контексте проблемы научного анализа и систематизации.

Проблемы национального фольклора достаточно глубоко исследовались в работах Я.З. Ахмадова, Я.С. Вагапова, В.Ю. Гиреева, А.М. Гутова, У.Б. Далгата, С.Л. Зухба, Б.В. Корзуна, И.Б. Мунаева, С.-М.А. Хасиева, Д.Ю. Чахкиева, С.Ч. Эльмурзаева и др. Однако на сегодняшний день остается много проблем и вопросов, которые требуют новых научных подходов и решений. Это относится, прежде всего, к чеченскому фольклору, так как в силу объективных причин национальная литературоведческая наука долгие годы находилась в статическом состоянии, наступило время её реанимирования и развития.

Несомненную значимость для данного исследования представляют работы В.Б. Корзуна. Ученый систематизировал научный опыт в области изучения северокавказского фольклора и создал теоретическую концепцию возникновения и развития горского эпоса.

Богатейший опыт устного народного творчества свидетельствует о том, что духовное обогащение народа всегда зависело от культурно-исторических, социальных условий, религиозных представлений. В связи с этим В.Б. Корзун выделяет основные пути развития древнейшего горского фольклора – «преднартровский цикл» и нартский эпос.

Несомненно, что нартский эпос – это величайшая духовная ценность и достижение всех северокавказских народов, поскольку каждый народ внес свою национальную специфику в развитие образов и характеров, по-своему обогатил и интерпретировал народные сказания.

Известно, что проблемы нартского эпоса изучались и продолжают активно исследоваться в работах известных северокавказских ученых В.И.

Абаева, А.И. Алиевой, А.М. Гадагатля, А.М. Гутова, У.Б. Далгата, Ш.Д. Инал-Ипа, З.Л. Зухбы, Н.И. Колясникова, А.О. Мальсагова, С.Ч. Эльмурзаева и др. В нашу задачу не входит глубокое исследование отдельных проблем нартского эпоса, мы рассматриваем его в качестве прасосновы национального фольклора и неоднократно обращаемся к нему и к работам названных выше учёных, содержащих изучение эпоса в разных аспектах, с целью воссоздания объективной картины формирования жанров в чеченском фольклоре.

Работа по сбору и систематизации чеченского фольклора целенаправленно стала проводиться в 20-е годы прошлого века и получила широкое распространение во второй половине XX века. У истока научного исследования народного эпоса стоял А.Д. Шерипов, который в 1918 году опубликовал брошюру «Из чеченских песен». Первым и наиболее серьезным собирателем чеченских героических песен илли был А. Нажаев, издавший в 1927 г. сборник «Чеченские песни, сказания и пословицы», в который были включены истинные шедевры устного народного творчества. В 20–30-е годы чеченский фольклор активно собирали и использовали в своих художественных произведениях писатели С.-Б. Арсанов, С. Бадиев, М. Мамакаев, Х. Ошаев и др.

Сборник «Чечено-ингушский фольклор» в переводе на русский язык был напечатан в 1940 году, позже отдельными изданиями выходили материалы чеченского фольклора на русском и чеченских языках. Например, в сборнике «Поэзия Чечено-Ингушетии» (1958) даются переводы на русский язык лирических и героических песен из собрания З. Джамалханова. Сборник «Чеченские илли и лирические песни» (1959), вышедший на чеченском языке, содержал героико-эпические, девичьи лирические песни.

Работа по сбору и исследованию фольклора, прерванная почти на два десятилетия, возобновилась в последние годы. В 2005 году в Москве издан сборник «Чеченская народная поэзия» (в записях XIX–XX вв.)

В своё время Н.Ф. Яковлев в работе «Вопросы изучения чеченцев и ингушей» (1926) впервые отметил достоинства героико-исторических песен илли: «Устное творчество чеченцев (ингушей) очень сильно, выразительно, а некоторые из этих песен и легенд могут быть сравнимы с лучшими образцами мирового фольклора»².

В «Очерках истории чечено-ингушской литературы» в разделе об исследовании фольклора говорится: «С XVI века началась усиленная колонизация горцами земель Притеречья, плоскостных земель, захваченных князьями и шамхалами тарковскими. С увеличением числа переселенцев началась их борьба за овладение равнинными землями и изгнание феодалов. Чечено-ингушские героические песни – продукт этой борьбы, и основная идея, заложенная в них, – призыв к общенародной консолидации»³.

Как правило, чеченские героико-исторические песни отражают борьбу, воспевают храбрость, мужество, мудрость. Примером служат широко известные «Песня об Ахмате Автуринском», «Песня о кабардинце Солсе, вдовьем сыне и тарковском молодце», «Песня об Умар-Али Аккинском» и другие.

Ученые, занимающиеся национальным фольклором, в своё время провели немало важнейших исследований, к которым мы обращаемся в нашей работе. В частности, С.Ч. Эльмурзаев, глубоко изучив истоки и развитие чечено-ингушского фольклора, выделил основные периоды, которые отражают ключевые моменты эволюции устного народного творчества.

По словам ученого, в сказаниях первоначального периода нарты не враждовали с обычными людьми. Примером служит миф о нарт-орстойском герое, кузнеце Пхармат, который достаёт огонь из ада, а нарты и простой народ его благодарят.

² Чеченская народная поэзия XIX–XX вв. – М.: Новый Ключ, 1995. – С. 24

³ Устное поэтическое творчество чечено-ингушского народа / Очерк истории чечено-ингушской литературы. – Грозный, 1963. – С. 26

Во время следующего периода в фольклоре появляется деление нартвов по национальному признаку: чеченские нарт-орстхойцы и «чужеземные». Подтверждением служит легенда «Мокхаз и его шесть братьев». Мокхаз и его братья, чеченские нарт-орстхойцы, ведут борьбу с пришлыми с запада нартами во главе с Бати и в ожесточенных сражениях одерживают победу.

В последующий период развития нарт-орстхойские сказания отражают вражду между нартами и обычными людьми. Именно в этот период появляются «местные чеченские герои» – Тинин Ву'су, Турпал, Термало, Тимарсолта, Бексолта, Баймарза, Гугу и т.д.

В завершающем этапе развития, по словам С.Ч. Эльмурзасва, нартские племена и местные народы сталкиваются на почве трудовой деятельности. Нарт-орстхойцы начинают заниматься хлебопашеством и животноводством. Это видно из содержания сказания про нартвов Амира и Гепака: именно на почве земельного кризиса обычные люди изгоняют нарт-орстхойцев с их мест поселения. Появляются «местные» герои-защитники, о которых слагают илли.

По утверждению И.Б. Мунаева, жанр героико-исторических песен «сформировался как явление, совершенное в художественном отношении, социально насыщенное, со сложным сюжетным развитием, определённой композицией, с яркими образами, богатой поэтикой изобразительных средств»⁴.

Чеченские героико-исторические песни илли имеют глубокие исторические корни. Илли всегда играли важнейшую роль в духовной жизни чеченцев, они формировали мировоззрение, нравственные качества, характер горцев. В то же время в героико-исторических песнях илли отразилась трагическая и героическая судьба чеченского народа. Идея свободы, справедливости, готовность прийти на помощь другим народам Северного Кавказа являются смыслообразующим компонентом этого жанра.

⁴ Мунаев И.Б. Поэтика чечено-ингушских героико-исторических песен илли (проблема формирования жанра и его системные связи) / Автореферат дисс. ...канд. фил. наук. – М., 1981. – С. 16

На протяжении всего прошлого века проводилась большая работа по сбору и изучению национального фольклора. Как уже было сказано, отдельные аспекты героико-исторических песен илили достаточно глубоко исследованы в работах известных ученых, однако в силу объективных причин научное осмысление накопленного опыта и дальнейшее его развитие стало возможным лишь в последние годы.

Во второй главе «Поэтический строй героико-исторических песен илили» исследуются поэтические особенности чеченских героико-исторических песен. Опираясь на теоретические работы Ш.А. Арсанукаева, Я.С. Вагапова, З.К. Мальсагова, И.Б. Мунаева, Х.Д. Ошаева, Х.В. Туркаева и других, посвященные исследованию различных аспектов поэтики фольклора, и используя тексты илили, собранные и записанные автором диссертационной работы, решаются вопросы поэтики, связанные с особенностями чеченского стихосложения в героико-исторических песнях илили.

В чеченском языке существуют долгие, полудолгие и краткие гласные, поэтому лексемы делятся на долгие и краткие слоги. Это обстоятельство, на наш взгляд, ставит под сомнение значение ударения как такового, потому что долгий слог выполняет его функции, следовательно, чеченскому народному стихосложению подходит силлабический принцип, на котором настаивает М.А.-А. Завриев, а не силлабо-тонический. Именно это выявляется при анализе чеченских илили, опубликованных в сборнике «Чеченский фольклор» (1990), составленном автором диссертации, и из личного архива.

Важным в исследовании особенностей поэтики героико-исторических песен является *художественное время*. Исследователи отмечают, что поэтические формулы в илили обычно увязывают действия героев и события с тремя определенными периодами суток: *пхуьуран хан* «время ужина», *луьйкье* «полночь» и *сахуьлу хан* «рассвет», что находит параллели в различных сюжетах. Время действия илили – время прошедшее, которое сказителем, а через его восприятие и слушателями, воспринимается как время настоящее.

Наши исследования показали, что в философии чеченцев, основанной на фольклорном сознании, не совсем четко очерчена дефиниция "будущее время". Оно больше принадлежит мистике ("Хин дерг – Далла бен ца хаба" – «Будущее известно только богу», "Хиндолчунна юкяхь Дела бен вац" – «Между настоящим и будущим стоит только один бог») и как будто народным сознанием оставлено в покое как нереальное время. А реальное – это время настоящее, но устремленное в прошлое. В этом смысле сознание чеченцев подобно дереву, которое в настоящем ветвями устремлено к солнцу, а корнями – в прошлое. Настоящее время чеченцами воспринималось не только как "эстафетная палочка" прошлого, но и как ответственность перед будущим. Примером служат эмоциональные высказывания: "Ворхле а дена наЫалт хийла!" («Пусть будут прокляты все семь колен (твоих) предков!») или "Ворхле а тIаьхь декъала ма хийла!" («Пусть (бог) откажет в благословении семи коленам твоих потомков»).

Философское восприятие времени наших предков апеллировало к космическим масштабам, таким, как скорость мысли, скорость солнечного луча, скорость взмаха ресниц и т.п. Например, считалось, что скорость взмаха ресницы всего лишь в девять раз меньше скорости света, а скорость мысли – в девять раз резвее скорости солнечного луча. Нашим предкам была доступна философская взаимосвязь пространства и времени, которая четко укладывается также в рамки священных писаний, в которых, как известно, пространство в раю воспринимается как данность, увеличенная неимоверно, до бесконечности, а время остановлено или сведено к абсолютному нулю.

Прошлое чеченцам представлялось не абстрактным, безвозвратно потерянным понятием, а чем-то вполне осязаемым, до чего можно при желании вместе со сказителем или сказочником добраться, преодолев семь гор, или пожить в нем, отправившись в путешествие с героями эпической песни или. Потому сказители всегда ставили цель увести слушателя от реальности в мир представляемых им в своем воображении героев с их поступками, поражениями и победами. Время действия чеченской героико-

эпической песни или не только отнесено к прошлому – оно строго локализовано в этом прошлом и в восприятии сказителя, а через него – и в восприятии его слушателя, оно, несомненно, представлялось как действительно существовавшее. Герои или, их имена, топонимические названия, этнографические детали быта и традиций, отраженные в них, могли быть историческими.

В то же время чеченские эпические песни могли вбирать в себя исторические сюжеты, мотивы, эпизоды разных исторических эпох. Но соединенные сказителем в единый сюжетный клубок, слушателями они воспринимались как реальные события чеченской истории.

Время действия или совершенно замкнуто, оно начинается в большинстве случаев с зачина, то есть с «введения слушателя в определенное "песенное время", которое соотнобразуется с обычным реальным временем»⁵. Например: *"Кхо ког болчу цу глантa ша лохо лахавелла, Дагца ен ойланаш ва сица сецаеш, Кхо пха болчу пондарх маргIал пIелг ва бетташ, Сахуьлуьнга вели, тов, дог майра ва Чеге"*⁶ – («На треножный стул низко присев, В сердце зарождающиеся мысли душою останавливая, На трехструнном пондаре молодыми пальцами наигрывая, Рассвет встретил сердцем храбрый этот Чеге»). Затем следует подвиг героев или, завершающийся их героической гибелью: *"Цул тIаьхьа вахара, тов, и Таймин Биболат Байьинчу цу кIентийн гергарчу цу нахе, Уьш байьар хоуьйтуш, мичахь бу уьш дувьйруш, Декьий дан хьовсийра цо яхь йолу и кIентий. Цул тIаьхьа цIа вирзира и Таймин Биболат Вехачу шен юьрта, доьгначу ва дагца!"* (Илли о Бибулате Таймиеве и сердцем храбром Чеге [ЧФ, 1990 – С. 346] – («После поехал этот Бибулат Таймиев к родственникам погибших молодых, О гибели их (им) поведать, где они лежат сообщить. За трупами этих молодых послал он Честь имеющих молодых парней. После этого вернулся домой Бибулат Таймиев, в родное село, с разбитым сердцем»).

⁵ Мунаев И.Б. Поэтическая стереотипия и вопросы жанровой разновидности или / Поэтика чеченских героических песен или. – Грозный, 1983. – С. 11

⁶ Илли о Бибулате Таймиеве и сердцем храбром Чеге / Чеченский фольклор. Составитель Джамбеков О.А. – Грозный: Книга, 1990. – С. 339

В самом начале повествования или от сказителя требуется только статистическое описание времени и обстоятельств, в которых разворачивается действие; это создает возможность и даже необходимость замедления повествования. В информативном плане здесь не требуется передача каких-либо особо динамичных ситуаций и событий. Задача сказителя – красочно, увлекательно начать свое повествование, привлечь к нему внимание. Поэтому он выбирает менее тяжеловесную в коммуникативном отношении конструкцию – простое предложение, но обрамляет его оборотами, несущими только дополнительную информацию, и с помощью этой своеобразной ретардации создает впечатление совпадения реального и художественного времени и – параллельно с ним – опозитизированный фон вокруг зачина. Действие или, как правило, развивается вокруг главного героя (героев), его (их) судьбы. Потому длительность событий, связанных с его (их) действиями, всегда равна сюжетной длительности эпической песни. И в ней совершенно не упоминаются другие события, выходящие за пределы главной сюжетной линии. Для или характерна абсолютная завершенность, где "временные и ценностные определения... слиты в одно неразрывное целое"⁷. Однако при всей "завершенности" сюжета эпическое время или является конкретно-историческим, в той или иной мере отражающим национально-героическое прошлое чеченцев. И оно движется в одном направлении, ему не свойственны как возвращение назад, так и забегание вперед. И это однолинейное течение изображаемого времени или не нарушается даже тогда, когда сказитель (намеренно или нет) завязывает в одном сюжетном действии героев, возможно, реально живших в разных исторических эпохах и участвовавших в событиях, имевших место в истории чеченцев в разные времена.

При этом однолинейно развивающееся время или течет прерывисто – то сказочно убыстряясь, то замедляясь. «Неровность в течение художественного времени, частые перерывы в развитии сюжета заполняются

⁷ Бахтин М. Эпос и роман // Вопросы литературы. – 1970. – № 1. – С. 104

различными описаниями (обычно это пейзажные зарисовки, описания душевного состояния героев и так далее)»⁸. В "Илли о Жаммирзе Мадиеве из Чечен-Аула" [ЧФ, 1990. – С. 215–217] герой сразу же догоняет похитителей своей сестры, давно отправившихся в путь. Время от начала погони героя до его вступления в бой с похитителями сказитель намеренно пропускает. Здесь действие прерывается на неопределенное время. Этот перерыв во времени допускается с целью достижения максимальной "плотности событий". Бой героя – Жаммирзы Мадиева – с неприятелем скоротечен, победа, отчасти гиперболизированная, достигается быстро. Время поединка спрессовано, сжато: *«Кхоьллинчу ва Дала цу Делан мостаглийн Тлеман ка йохийна, Кхоьллинчу ва Дала кху дикчу шина клентан Тлеман ка даьккхина, Вен везарг ва вийна, шийла декхий дехкина, Ва даккха дезачун цлен цетта даьккхина...»* [ЧФ, 1990. – С. 226]. («(Когда) создавший нас Дела (бог) этих божьих врагов удачи в бою лишил, (Когда) создавший нас Дела (бог) этим двум славным молодцам (Жаммирзе и Бибулату) содействие в бою оказал, (Они) убив, кого следовало убить, превратив их в холодные трупы, с кого следует снять скальп сняв...»).

В других эпизодах, когда герой илли одевается или готовит коня для путешествия, время намеренно замедляется, его поступки и действия детализируются, привнося в контекст этнографические и бытовые элементы: *"И дато дуьрста шен буйна йоьллина, Божалан берте ма вахара Жерочун жима клант, Цу ханнийн божлера са цлена шен гила Ша ара ма баьккхира Жерочун цу кланта. УьйтIарчу гоьзанах гила дIатесна, Чергазийн юьткьа нуьйр цуьнан букь тIе тиллина, Элаша бина гIурс цу дина берзина, Ша каде кечбира цо са цлена шен гила"* [ЧФ, 1990. – С. 230]. («Эту серебряную уздечку в руки взяв, К двери конюшни подошел Вдовый молодец, Из дубовой конюшни душой чистого коня Сам вывел этот Вдовый молодец. К коновязи во дворе коня привязав, Черкесское тонкое седло на этого коня набросив,

⁸ Халидов А.И. О языке героико-исторических песен илли // Вопросы поэтики и жанровой классификации чеченских героико-исторических песен илли. – Грозный, 1984. – С. 39

Князьями созданными приспособлениями коня украсив, Сам спешно подготовил он душой чистого коня»). Или: *"...шен вешин йисина зорбанан бедарш Сихонца ерзийра цо шен овздачу дегле, Шен вешин дисина чал дера герзаш, Ша юкъах, къуьйлуш, дихкира цо, Шен вешин бисина са цена гила, Дуьгуш нускал санна, хаза кечбира цо. Зорбанан бедарх, дерачу герзех ша цена кечъелла, Бухъ боццу попа тле дайн куьйра санна, Гила хъавъзаш бина, кхерсташ, тлеелира иза"* [ЧФ, 1990. – С. 251] – («...оставшиеся от брата фабричные одежды, Быстро на свое прекрасное тело надела (она), От брата оставшееся медведя злее оружие, К поясу накрепко привязала (она), От брата оставшийся душой чистого коня, Как невесту, подготовила (она). В фабричные одежды одевшись, злее медведя оружие прихватив, Как легкокрылый ястреб садится на обломанную макушку чинары, Так, кружась, села она на коня»).

Эти растянутые во времени детализации нужны сказителю для достижения изобразительности, посредством чего время исполнения илли и время действия, отображаемого в ней, условно приравниваются или сближаются, иными словами, отождествляются с настоящим временем. Достигается это большей частью с помощью грамматических и лексических форм, непосредственно указывающих на время совершения того или иного действия: *"...лечкъа ма елира и клентийн тоба"* («...прятаться стала этих юнцов шайка»), *"элира, бах"* («говорят, сказали»), *"ша хитла ма велира и шовданан цу коьрте"* («сам вышел он к роднику тому»), *"ворхI дийнахъ, ворхI бусий той-ловзар латтийна"* («семь дней, семь ночей свадебный пир стоял»), *"ша йоьлхуш ма хъавъзира Биболтан и езар"* («Плакать стала Бибулата возлюбленная»), *"ладогла велира, бах, и Таймин Биболат"* («прислушиваться стал, говорят, Бибулат Таймиев»), *"и къайла ва валлалц Теркаца охъа яхара ваша воцу Сайлаха"* («пока он не скрылся из виду вдоль Терека поехала брата не имеющая Сайлаха»), *"ихъа тийна синкъерам хлоттиира, боху"* («славную вечеринку собрали, говорят», *"дуьхъал Iаш хиллера юьртара ва клулош"* («напротив сидели (оказывается) сельские трусы») и т.п. Приведенные

примеры свидетельствуют о том, что в илли доминирует настоящее время, но условно сказителями сближенное с прошедшим.

В исследовании жанровой и поэтической специфики героико-исторических песен илли мы придерживаемся концепции И.Б. Мунаева, отраженной в его работе «Поэтика чечено-ингушских героико-исторических песен илли (проблема формирования жанра и его системные связи)» (1981), в которой определяются характер, значение поэтических формул и «общих мест», выявляется поэтическая система эпитетов.

Поэтические особенности сравнений в илли имеют немаловажное значение. Сравнение, как термин поэтики, обозначает сопоставление изображаемого предмета или явления с другим предметом по общему им обоим признаку, то есть третьему элементу сравнения. Сравнение часто рассматривается как особая синтаксическая форма выражения метафоры, когда последняя соединяется с выражаемым ею предметом посредством грамматической связки *санна* «как», «словно», «будто» и т.п.

Основной жанровой особенностью героико-эпических песен илли является то, что они имеют разветвленный сюжет с динамично развивающимся действием, укладывающимся в классическую схему: зачин, развитие действия, кульминация и развязка. Генезис илли предопределяет как содержание, так и характеры героев, их отношение к нравственно-этическим ценностям народа, имеющим особенность меняться в период эпохальных событий (к примеру, таких, как принятие ислама, экспансия «северных» соседей и т.п.).

Метафора демонстрирует тождество, сравнение – раздельность, поэтому образ, привлекаемый для сравнения, легко разворачивается в совершенно самостоятельную картину, связанную часто только по одному какому-нибудь признаку с тем предметом, который вызвал сравнение, ср.:

Будто мой плащ, огнем объятый, горит, видел я,

Будто березовая палка, огнем объята, горит, видел я,

Будто отцом построенная овчарня, огнем объята, горит, увидел я,

Будто все овцы, в птиц превратившись...

(«Илли о князе Монце» – рукопись О.Д.)

Изучение сравнений в илли позволило выявить индивидуальные особенности их структуры, семантики и функционирования в прозаическом и стихотворном тексте.

Экспрессема и метафора являются средством, с помощью которого в процессе мыслительной деятельности в сознании героя илли не только отражаются, но и осмысливаются, проводятся параллели, аналогии, а также приобретают модальность, оценочность и верификацию картины окружающего мира. Таким образом, экспрессема и метафора становятся инструментом, посредством которого изучаются реалии действительности, когда на уровне мышления, соответственного понятийного содержания осуществляется оперирование мыслительными аналогами объектов. Фольклорная метафора является неотъемлемой частью поэтического текста «Илли о Сайлахе, не имеющей брата», «Илли о цветом красивом Мусе» (ЧФ, 1990. – С. 266), «Илли о князе Монце» – (рукопись О.Д.) и т.д.

Образы героев-кантов в героико-эпических песнях являются собирательными, их стадияльная ареальная и этническая модификация подчинена определенным закономерностям. В историческом аспекте для героя это переход от образа исполина (*Иаьржа Хожа* («Черный Хожа»), *Сеска Солса*) к воинской героизации или к образу пастуха, занятого честным трудом, и для коня, соответственно, переход от мифического персонажа к коню «не умеющему говорить, но понимающему мысли и намерения своего хозяина-к'анта». Отдельные черты героев-к'антов сосуществуют в каждом из эпических произведений; в статике их анализировать нельзя. В преломлении художественной специфики эпоса кант и его конь выступают слитно, как почти равноправные партнеры.

Отличный конь – важнейшее условие участия к'анта в набегах за *х'онсом* (добычей). Герой может отправиться за ним в одиночку или вместе с другими к'антами (молодцами), однако в любом случае *хонс* [*хлонц*]

добывается ратным подвигом у притесняющих народ князей и раздается обездоленным. Поход за *х'онсом* объясняется особым пониманием закона справедливости у чеченцев. Речь идет не о простом грабеже, а о набеге как некоем обряде и священнодействии во имя высших ценностей. Это трудно понять и принять, но дело обстоит именно так. Набег превращается по существу в карательную экспедицию. Герой не просто крадет табун лошадей, а ставит в момент совершения «действия» в известность хозяина табуна, давая ему возможность побороться за свое добро в честной схватке.

Как правило, героем чеченской героико-исторической песни илилли выступает сын вдовы, то есть юноша, у которого нет особой защиты, нет богатства и прочного статуса в обществе. Сын старой вдовы является в илилли стоящим на самой низшей социальной ступени. У него появляется настоятельная потребность заявить о себе, добыть себе статус героя, чтобы сравняться с лучшими джигитами [«Илли о сыне старой вдовы», ЧФ, 1990].

Ритмика многих текстов и сюжетики илилли типологически близки к рыцарской балладе, потому что в центре внимания оказывается герой, презирающий богатство как способ возвыситься над другими. Он не страшится смерти и жаждет подвигов, защищает обездоленных. Подвиг для него жизненно необходим, потому что это – единственный способ завоевания доброго имени и известности, возможность самоутвердиться в своем сообществе. *К'ант* и его конь связаны узами доверия, от которого зависит жизнь обоих.

Конь участвует вместе с героем в подвигах, является другом и советником, причем неподчинение коню нередко приводит героя к гибельной для него ситуации.

В илилли показываются выращивание коня, объездка (служащая отчасти отголоском возрастной инициации юноши), уход за ним, его снаряжение, достоинства, в особенности быстрота бега, разнообразное восхваление коня. Надо отметить, что устойчивая парность конкретных образов – всадника и коня – прослежена в эпических произведениях разных народов. Это Манас и

его Ак-Кула в киргизском эпосе, Джангар и Аранзал – в калмыцком, Алпамыш и Байчибар – в узбекском и др.

Чудесный конь не только участник походов, помогающий своему хозяину добиться победы. Конь в эпосе – покровитель и руководитель хозяина, превосходящий его в даре предвидения, быстроте реакций в сложных ситуациях, обладающий твердой волей, подчиняющей себе всадника в минуты, когда тот проявляет слабость. Даже в чувстве долга он иногда стоит выше, чем героический *к'ант*.

Конь предупреждает хозяина, что его нельзя отдавать в дар вместе с путями, и горько упрекает за невнимание к его словам. Иногда конь заступает за побежденного, предвидя, что тот может стать верным другом, даже побратимом его хозяина, поддерживает дух своего всадника в минуту слабости, напоминает о гражданском долге.

В «Илли о кабардинце Курсолте» описаны сказочные кони, напоминающие коня былинного богатыря Ильи Муромца, чей скакун, как известно, «реки и озера промеж ног спущал».

Герой не должен оставлять в беде своего коня и любовно ухаживать за ним в трудные моменты, иначе конь может и не простить ему равнодушия. Немаловажное значение в илли имеет конское снаряжение. В описании отдельных принадлежностей со всевозможными украшениями, которыми в действительности изобиловала сбруя верхового коня на Востоке, указан металл, из которого они сделаны: золото, серебро, бронза, медь, редко железо, так как речь в эпосе идет о нарядной сбруе, необходимой для престижа джигита и стоившей иногда не меньше, чем конь.

Большое место в героико-исторических песнях илли уделяется призам на скачках. Особо отмечается – как неперемнное достоинство – овладение героем-к'антом искусством джигитовки. Состязания по выезде в народе пользовались особой популярностью. Коней для этой цели готовили специально. В перерыве между танцами во время *ловзара* (свадьба, игрище) круг разрывался и в него въезжал юноша на коне, чтобы показать свое

искусство джигитовки. Это было серьезным испытанием как для всадника, так и для коня.

Выводили в круг заранее разгоряченного коня. С этого момента девушки, сидящие на ловзаре, запевали шуточную песню *«Говр хьовзон йиш»*, что в переводе означает буквально следующее: «Песня выездки коня». Песня эта выполняла двоякую функцию: а) подзадорить всадника; б) уберечь коня от действия злых сил (например, от сглаза или порчи). По содержанию близкая проклятиям, она вызывала улыбку, смех и воспринималась присутствующими как здоровая шутка.

Хлей воьду, сир дин бере,

Хьан дин бетта хьеран бернах,

Хьо хьуо ветта кокан коьл्लех...

(Эй, едуший на сером коне,

Чтоб коня твоего об мельничный пропеллер ударяли,

Чтоб тебя самого об терновый куст ударяли...)

[ЧФ, 1990 – С. 70]

При исследовании поэтики чеченских илли уделяется внимание лексико-стилистической интерпретации текстового материала, характеризующего образы героев, и выделению ономастических элементов исконного и заимствованного характера.

В **Заключении** подводятся итоги, подтверждаются основные положения, выносимые на защиту, делаются выводы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Джамбеков, О.А. Чеченские и ингушские народные песни в переводе на русский язык / О.А. Джамбеков // Русская художественная культура и вопросы духовного наследия чеченцев и ингушей: сб. ст. – Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1982. – С. 121–133

2. Джамбеков, О.А. Дореволюционные чеченские народные сказители / О.А. Джамбеков // Тезисы докладов научной конференции профессорско-

преподавательского состава Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н. Толстого по итогам научно-исследовательской работы за 1982 г. – Грозный: Изд-во ЧИГУ, 1983. – С. 109–110

3. Джамбеков, О.А. К вопросу о трансформации одной чеченской народной лирической песни, связанной с выездкой / О.А. Джамбеков // Актуальные проблемы изучения фольклора и литературы народов Северного Кавказа и Дагестана: тез. докл. регион. науч. конф. – Махачкала, 1987. – С. 34–35

4. Джамбеков, О.А. Художественные сокровища народа: предисл. / О.А. Джамбеков // Чеченский фольклор / сост., предисл. и научн. comment. О.А. Джамбекова. – Грозный: Книга, 1990. – С. 34–35. (На чеч. яз.)

5. Джамбеков, О.А. О художественном времени в устно-поэтическом наследии чеченцев / О.А. Джамбеков // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.: Наука, 2002. – С. 71–77

6. Джамбеков, О.А. О некоторых особенностях метрики чеченской народной поэзии / О.А. Джамбеков // Орга: лит.-худож. журнал. – Грозный, 2003. – № 4. – С. 53–55. (На чеч. яз.)

7. Джамбеков, О.А. Чеченские народные илли / О.А. Джамбеков // Орга: лит.-худож. журнал. – Грозный, 2004. – № 6. – С. 39–42. (На чеч. яз.)

8. Джамбеков, О.А. Образы героя-канта и его коня: по материалам чеченских героико-исторических песен илли / О.А. Джамбеков // Вузовская наука – в условиях рыночных отношений: материалы регион. межвуз. науч.-практ. конф. (10–11 декабря 2003 г.). – Грозный: Изд-во Чеченского гос. ун-та, 2005. – С. 390–391

9. Джамбеков, О.А. Метафорическая структура чеченских героических песен илли / О.А. Джамбеков // Эпический текст: проблемы и перспективы изучения: материалы I междунар. науч. конф., 21–23 сентября 2006 г. Ч. I. – Пятигорск, 2006. – С. 163–174

10. Джамбеков, О.А. Ономастические элементы в чеченских героических песнях илли / О.А. Джамбеков // Известия высших учебных

заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2006. – № 12. – С. 168–175

11. Джамбеков, О.А. Классификация чеченских народных лирических песен / О.А. Джамбеков // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология. – Майкоп, – 2008. – № 3. – С. 123–126

Джамбеков Овхад Алихаджиевич

**ЖАНРОВЫЕ И ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЧЕЧЕНСКИХ ГЕРОЙКО-ИСТОРИЧЕСКИХ
ПЕСЕН ИЛИ**

Автореферат

Сдано в набор 29.04.08. Подписано 29.04.08. Бумага типографская. Формат бумаги 84х108. Гарнитура Times New Roman. Печ. л. 1, 4. Тираж 100
Отпечатано на оборудовании «ИП Буренков И.В.»
385000 г. Майкоп, ул. Пионерская, 268

